

Святитель Иоанн Златоуст

ОБ УТЕШЕНИИ ПРИ СМЕРТИ

Слово 1-е

1. Внимайте, братие, в молчании, чтобы не пролетели мимо вас слова полезные, а иногда и необходимые. Тогда особенно и нужно врачевание, когда бывает тяжкая болезнь; тогда и надобно тщательно прикладывать целебную примочку, когда глаз страдает от боли. Впрочем, и тот, у кого нет этой болезни, пусть не ропщет, но лучше пусть выслушает, потому что и здоровому неизлишне знать полезное врачество. А у кого в настоящее время умственное око расстроено и страдает от боли, тот пусть будет еще более внимательным, чтобы открыть свое око для принятия врачества спасительной беседы, от которой можно получить не только утешение, но и облегчение. Известно, что если у кого болит глаз и если больной не согласится открыть его врачу, чтобы влить целебную примочку, то примочка будет течь по наружной поверхности века, а глаз останется больным; так и ум человека, пораженного скорбью, если вследствие чрезмерной печали не откроет себя для слова, то, не приняв спасительного увещания, начнет болеть еще сильнее, и, может быть, подвергнется тому, что указано в Писании: ***печаль мирская производит смерть*** (2Кор.7:10). Блаженный апостол Павел, учитель верующих и благотворный врач, сказал, что печаль бывает двоякого рода: одна добрая, а другая злая, одна полезная, а другая бесполезная, одна спасительная, а другая пагубная. А чтобы мои слова не показались кому-нибудь сомнительными, я приведу сами слова его. Он говорит: ***печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению***; это — печаль добрая. Затем следует: ***а печаль мирская производит смерть***; это — печаль злая.

2. Посмотрим же, братие, полезна ли или бесполезна та печаль, которая теперь занимает нас, которая теперь наполняет нашу грудь и слышится в самом голосе; может ли она принести пользу, или вред? Представим, что лежит бездыханное тело, лежит на столе человек без человека, члены без духа; ему кричат, а он не отвечает; его зовут, а он не слышит; лежит с бледным лицом, с измененным видом, в котором выражается сама смерть; при этом вспоминаются его непрерывное молчание, удовольствие и польза, которые от него были, или могли быть; вспоминаются его отношения к другим, приходят на ум его приятнейшие слова, долговременное обращение с ним. Вот, без сомнения, то, что извлекает слезы, вызывает рыдание и повергает всю душу в глубокую печаль! Против этого, столь сильного, столь крепкого оружия скорби, надобно, прежде всего, поставлять ту мысль, что все, рождающееся в этом мире, необходимо должно умереть. Это — закон Божий и неизменный приговор, который изречен был праотцу человеческого рода, после его грехопадения, в словах Божиих: ***прах ты и в прах возвратишься*** (Быт.3:19). Что же случилось нового, если человек, на это рожденный, выполняет закон и приговор божественный? Что нового случилось, если родившийся от смертных соответствует своей природе в том, чего избежать не мог? Нет ничего необыкновенного в том, что существует издревле; нет ничего неслыханного в том, что случается каждодневно; нет ничего особенного в том, что всеобщее. Если мы знаем, что деды и прадеды наши прошли этим же путем смерти, если слышали, что, наконец, и сами патриархи и пророки, от Адама

первозданного, переселились из здешнего мира не без смерти, то возведем душу свою из глубины печали; ведь здесь человек отдает долг, которым он был должен. Как же можно печалиться, когда отдается долг? Подлинно, это — долг, которого невозможно заплатить никакими деньгами, — долг, от которого не избавляет ни мужество, ни мудрость, ни могущество, и которого не могут отклонить от себя, наконец, и сами цари. Я, конечно, посоветовал бы тебе усилить свою печаль, если бы это дело происходило от нерадения или от скупости, тогда как можно было бы тебе своими средствами откупиться от него, или отсрочить его; но если это Божие определение, твердое и неизменное, то мы напрасно скорбим и спрашиваем себя: почему такой-то умер, когда написано: **Господни, Господни врата смерти** (Пс.67:21)? Таким образом, если принять во внимание это общее условие нашей жизни, то отягченное око сердца начнет чувствовать облегчение, как бы от приложенной к нему первой примочки.

3. Я знаю, скажешь ты, что это общая участь; знаю, что тот, кто умер, заплатил долг; но я представляю происходившее от него удовольствие, припоминаю отношения его к другим, вспоминаю об его обращении. Если ты поэтому предаешься скорби, то ты действуешь ошибочно, а не руководишься разумом. Ты должен знать, что Господь, Который дал тебе это удовольствие, может дать и другое, лучшее; и Тот, Кто доставил тебе такое знакомство, имеет достаточно силы вознаградить тебя другим образом. Что касается пользы, то ты, как смотришь на свою пользу, так же должен думать и о пользе умершего; может быть, это для него полезнее, как написано: **восхищен, чтобы злоба не изменила разума его; душа его была угодна Господу, потому и ускорил он из среды нечестия** (Прем.4:11,14). А о сообществе с ним что мне сказать, когда самое время приводит его в такое забвение, как будто его никогда не бывало? Поэтому, что производит время и смена дней, то гораздо более должны производить разум и здравое суждение. Особенно же надобно помышлять о том, что Божественная мудрость изрекла чрез апостола: **печаль мирская производит смерть** (2Кор.7:10). Итак, если и удовольствие, и настоящая польза, и знакомство составляют предметы здешнего мира и радости века скоропреходящие, то, смотри, ради них падать духом и сокрушаться сердцем не есть ли поистине смертельная болезнь? Опять и опять я повторю те же слова: **печаль мирская производит смерть**. Почему же она производит смерть? Потому, что чрезмерная печаль обыкновенно доводит или до сомнения, или до пагубного богохульства.

4. Но, скажет кто-нибудь, как же ты запрещаешь оплакивать умерших, когда и праотцы плакали, и Моисей, раб Божий, и затем многие пророки, — особенно же, когда и праведнейший Иов разодрал свою одежду по случаю смерти сыновей своих (Иов.1:20)? Не я запрещаю оплакивать умерших, а просветитель народов — апостол, который говорит так: **не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды** (1Фес.4:13). Те, которые жили до закона, или находились под тенью закона, оплакивали своих мертвецов; но свет Евангелия не может так помрачаться. И они справедливо плакали, — потому что еще не приходил с небес Христос, Который осушил этот источник слез Своим воскресением. Они справедливо плакали, — потому что смертный приговор оставался еще в силе. Они справедливо проливали слезы, — потому что еще не было проповедано о воскресении. Хотя тогда святые и ожидали пришествия Господня, но между тем оплакивали умерших, потому что еще не видали Того, Кого ждали. Наконец, Симеон, один из ветхозаветных святых, который прежде также беспокоился о своей смерти, после того, как принял, на руки

Господа Иисуса еще младенцем во плоти, с радостью приветствует свою кончину и говорит: *ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, ибо видели*

очи мои спасение Твое (Лк.2:29,30). О, блаженный Симеон! Увидев то, чего ждал, он уже стал смотреть на свою смерть, как на мир и успокоение. А вот, скажешь, читается и в Евангелии, что плакали и о дочери начальника синагоги (Лк. 8:52), и сестры Лазаря оплакивали Лазаря (Ин.11:31). Но они рассуждали еще по ветхозаветному закону, — потому что еще не видели воскресения Христова из мертвых. Плакал, правда, и сам Господь о Лазаре уже погребенном, но не для того, чтобы подать пример оплакивания умерших, а чтобы своими слезами показать, что и Он воспринял истинное тело; или вероятно, Он по человеческой любви оплакивал иудеев, которые, не смотря даже на такое чудо, не имели уверовать в Него. Ведь не могла быть причиною слез смерть Лазаря, о котором сам Иисус сказал, что он уснул, и обещал пробудить его, как и сделал.

5. Итак, древние имели свои нравы и свою немощь, как жившие прежде пришествия Христова. Но, когда *Слово стало плотью, и обитало с нами* (Ин.1:14), когда приговор, изреченный первому Адаму, был разрешен последним Адамом, когда Господь разрушил нашу смерть Своею смертью и воскрес из мертвых в третий день, то смерть уже стала не страшна для верующих; не страшен запад, когда пришел Восток свыше. Сам Господь, Который не может говорить лжи, взывает так: *Я есть воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек* (Ин.11:25,26). Ясно, возлюбленные братья, говорит божественное изречение, что верующий во Христа и соблюдающий заповеди Его, хотя и умрет, будет жив. Это изречение принимая и содержа всеми силами веры, блаженный апостол Павел и предлагал такое увещание: *не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших (ц. сл.: усопших), дабы вы не скорбели* (1Фес.4:12). О, дивное изречение апостола! Еще прежде, нежели изложил свое учение, он одним словом уже проповедует воскресение. Он называет умерших *усопшими* для того, чтобы, выражаясь о них как о спящих, сделать несомненным их будущее воскресение. *Не скорбите*, говорит, о усопших, *как прочие*. Пусть скорбят те, которые не имеют *надежды*, а мы, чада упования, будем радоваться. А в чем состоит наше упование, он сам напоминает об этом в следующих словах: *если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним* (1Фес.4:14). Иисус для нас — спасение, пока мы живем здесь, и жизнь, когда мы переселяемся отсюда. *Ибо для меня, говорит апостол, жизнь — Христос, и смерть — приобретение* (Флп.1:21). Поистине — приобретение, потому что смерть с пользою прекращает бедствия и страдания, которые сопряжены с долговременной жизнью. Затем апостол описывает и то, в каком порядке и каким образом должно исполниться наше упование. *Ибо сие, говорит, говорим вам словом Господним, что мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших, потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем* (1Фес.4:15-17). Слова его означают то, что Господь, пришедши, найдет многих христиан в телах еще не испытавшими смерти; и, однако, они не прежде восхищены будут на небо, как умершие святые восстанут из гробов, будучи пробуждены трубою Божиею и гласом архангела. Когда же они будут пробуждены, то, соединившись с живыми, вместе с ними восхищены будут на облаках в сретение Христу на воздух, и таким образом будут царствовать с Ним всегда. Нельзя, конечно, сомневаться в том, что тела, имеющие тяжесть, могут подняться в воздух, когда по повелению Господню Петр, имевший такое же тело, ходил по волнам морским (Мф.17:29), и Илия,

для подтверждения этого упования, также был восхищен на огненной колеснице по этому воздуху на небо (4Цар.2:11).

6. Но, может быть, ты спросишь: каковы будут воскресшие из мертвых? Послушай самого Господа твоего, Который говорит: *тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их* (Мф.13:43). Нужно ли мне упоминать о блеске солнечном? Так как верующие должны преобразиться сообразно с светлостью самого Христа Господа, как свидетельствует апостол Павел: *наше же жительство, говорит он, на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, Который уничиженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его* (Фил.3:20,21), — то преобразится, без сомнения, эта смертная плоть сообразно с светлостью Христа, смертное облечется в бессмертие, посеянное *в немощи* потом восстанет *в силе* (1Кор.15:43). Тогда тело уже не будет бояться тления, не станет страдать ни от голода, ни от жажды, ни от болезней, ни от несчастных случаев, потому что там — надежное спокойствие и прочная безопасность жизни; там иная слава — небесная; и тамошняя радость не будет иметь недостатка.

7. Сохраняя это в уме и имея перед глазами своими, блаженный Павел говорил: я желал бы *разрешиться и быть со Христом* (Флп.1:23). И еще, излагая свое учение открыто, он говорит: *мы всегда благодушествуем; и как знаем, что, водворяясь в теле, мы устранены от Господа, — ибо мы ходим верою, а не видением, — то мы благодушествуем и желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа* (2Кор.5:6-8). Что же делаем мы, маловерные, предаваясь скорби и отчаянию, если кто-нибудь из наших возлюбленных переселяется к Господу? Что мы делаем, утешаясь странствованием в этом мире больше, нежели тем, чтобы предстать пред лице Христово? Подлинно и воистину вся наша жизнь есть странствование: как странники в этом мире, мы не имеем верного пристанища, работаем, трудимся до пота, проходя путями трудными и исполненными опасностей; со всех сторон приготовлены нам козни — от врагов духовных и телесных, везде стези заблуждений. И, несмотря на то, что нас окружает столько опасностей, мы не только сами не желаем избавиться от них, но даже и о тех, которые избавились, плачем и рыдаем, как о погибших. Что же сделал для нас Бог чрез Своего Единородного Сына, если мы еще боимся смертных случаев? Зачем и хвалимся мы тем, что возродились водою и Духом, если нас так огорчает переселение из здешнего мира? Сам Господь взывает: *кто Мне служит, Мне да последует; и где Я, там и слуга Мой будет* (Ин.12:26). Когда земной царь пригласит кого-нибудь в свой дворец, или на пиршество, то, как ты думаешь, приглашенный не поспешит ли с благодарностью? Гораздо с большим усердием должно стремиться к небесному Царю, Который сделает тех, кого примет, не только участниками пиршества, но даже и общниками царствования, как написано: *если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем; если терпим, то с Ним и царствовать будем* (2Тим.2:11,12). И не то я говорю, чтобы иной наложил на себя руки или умертвил сам себя вопреки воле Творца Бога, или изгнал душу из временного ее жилища — своего тела; но хочу сказать то, чтобы каждый, когда позовут туда его самого, или ближнего, с радостью и веселием и сам шел, и других идущих приветствовал. В том и состоит сущность христианской веры, чтобы ожидать истинной жизни по смерти, надеяться на возвращение после исхода. Итак, приняв слова апостола, будем с верою воздавать благодарность Богу, даровавшему нам победу над смертью чрез Христа, Господа нашего, Которому слава и держава ныне и во веки веков. Аминь.

Слово 2-е

1. В прежней беседе мы кратко сказали об утешении при виде смерти и о надежде воскресения; теперь поспешим сказать о том же полнее и обстоятельнее. Если для верующих сказанное мною, конечно, несомненно, то для неверующих и сомневающих оно представляется баснословным; к ним теперь мы и обратим несколько слов, относящихся к предмету. Так, неверующие, все ваше сомнение касается телесного состава. Для некоторых кажется невероятным, чтобы тело, обратившееся в прах, могло снова восстать, снова ожить. А касательно души никто из людей не может сомневаться: о бессмертии души не разногласят даже и философы, хотя они были и язычники. В самом деле, что такое смерть, как не отделение души от тела? Когда отделяется душа, которая всегда живет и умирать не может, так как она произошла от вдуновения Божия, то умирает только одно тело, потому что у нас одна часть смертна, а другая бессмертна. Когда же отделится душа, которая для телесных глаз невидима, то принимается ангелами и помещается или на лоне Авраамовом, если она верующая, или в преисподней темнице, если она грешница, до тех пор, пока придет определенный день, в который она опять примет свое тело и пред престолом Христа, истинного Судии, отдаст отчет в своих делах. Если таким образом все сомнение касается тела, то нужно защитить его немощь и доказать воскресение.

2. Поэтому, если кто из сомневающих и неверующих спросит меня: как воскреснут умершие и в каком явятся теле? — то я отвечу ему устами и словами апостола: **безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет. И когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое семя, зерно мертвое и сухое, без влаги (1Кор.15:36,37);** и когда оно истлеет, то снова восстает плодороднейшим, одевается листьями и снабжается колосьями. Итак, Кто пробуждает, зерно пшеницы для тебя, Тот неужели не в состоянии будет пробудить тебя для Себя? Кто каждый день пробуждает солнце как бы из гроба ночи и возводит луну как бы из погибели, и вызывает обратно времена года, возвращающиеся для нашей пользы, Тот неужели не возвратит к жизни нас самих, для которых Он возобновляет все, неужели попустит однажды навсегда погибнуть тем, которых Он воспламенил Своим дыханием и оживил Своим Духом? Неужели навсегда перестанет существовать человек, который благоговейно познал и почитал Его? Но ты опять сомневаешься: как можешь ты возобновиться после смерти, воссоздаться из праха и разрушившихся костей? Скажи же мне, человек, чем ты был прежде своего зачатия в утробе матери? Ничем, конечно. Итак, Бог, сотворивший тебя из ничего, не удобнее ли может воссоздать тебя из чего-нибудь? Поверь мне, легче будет обновить уже прежде бывшее Тому, Кто мог сотворить и то, чего не было. Кто повелел тебе в утробе твоей матери произрасти из капли безобразной жидкости и облечься нервами, жилами и костями, Тот, поверь мне, в состоянии, будет родить тебя снова из утробы земной. Но ты боишься, что иссохшие твои кости не смогут облечься прежнею плотию? Не суди, не суди о величии Божиим по собственной своей немощи. Бог, Творец всех вещей, одевающий деревья листьями и луга цветами, может немедленно облечь и твои кости в определенное время весны, при воскресении. Сомневался в этом самом некогда и пророк Иезекииль и на вопрос Господа, оживут ли сухие кости, которые представились ему рассеянными по полю, отвечал: **Господи Боже! Ты знаешь это (Иез.37:3).** Но, когда он увидел, как кости, по Божию повелению и его собственному пророчеству, пошли к своим местам и составам, когда увидел, что сухие кости стали облекаться нервами, связываться жилами, покрываться плотью, одеваться

кожею, то после этого изрек пророчество о духе, и пришедший дух каждого вошел в лежащие на земле тела; они воскресли и тотчас встали. Убежденный таким образом в воскресении, пророк описал это видение, чтобы познание о таком предмете дошло до потомков. Поэтому справедливо взывает Исаия: *оживут мертвецы Твои, восстанут мертвые тела! Воспряните и торжествуйте, поверженные в прахе: ибо роса Твоя — роса растений, и земля извергнет мертвецов* (Ис.26:19). Подлинно, как семена, увлажненные росой, прозябают и возрастают, так возрастут и кости верующих от росы Духа.

3. Но ты сомневаешься, каким образом из малых костей может восстановиться целый человек? А ты сам из малой искры огня производишь большой пламень: неужели же Бог не в состоянии будет из малой закваски твоего праха восстановить полный состав твоего небольшого тела? Если ты и скажешь: и самых остатков тела нигде не видно, так как, может быть, они истреблены огнем, или пожраны зверями, — то, прежде всего, знай, что все разрушающееся хранится в недрах земли, откуда по повелению Божию опять и может произойти. И ты, когда еще огня не видно, берешь камешек и кусочек железа и из недр камня высекаешь огонь, сколько нужно. Если же ты, при помощи своего ума и искусства, которыми тебя Сам Бог наделил, производишь на свет то, что было невидимо, то неужели у величия Божия не достанет силы для того, чтобы произвести то, чего еще не видно? Поверь мне, для Бога все возможно.

4. Ты спрашивай только о том, обещал ли Бог совершить воскресение; и когда узнаешь из свидетельств, столь многих, что оно обещано, когда будешь иметь несомненное уверение Самого Господа Христа, то, утвердившись в вере, уже перестань бояться смерти. Кто еще боится ее, тот не верует; а кто не верует, тот впадает в неисцелимый грех, так как своим неверием дерзает представлять Бога или бессильным, или лживым. Но не то доказывают блаженные апостолы, не то — святые мученики. Апостолы, в доказательство этого учения о воскресении, проповедают, что Христос воскрес, и возвещают, что в Нем будут воскрешены и умершие; притом, они не отказывались ни от смерти, ни от мучений, ни от крестов. Если же при свидетельстве двух или трех свидетелей *станет всяк глагол*, то как можно подвергать сомнению воскресение мертвых, которое имеет так много и таких достоверных свидетелей, о котором они свидетельствуют, проливая кровь свою? А святые мученики? Имели ли они твердую надежду воскресения, или нет? Если бы не имели, то не приняли бы, как величайшее приобретение, смерть после столь многих мучений и казней. Они помышляли не о казнях настоящих, а о наградах последующих; они знали, что *видимое временно, а невидимое вечно* (2Кор.4:18). Выслушайте, братие, и о примере мужества. Мать (Маккавеев) убеждала семерых сыновей своих, и не плакала, а больше радовалась; видела она, как сыновей ее терзают когтями, рассекают железом, жарят на сковороде, и не проливали слез, не выпускала воплей, но старательно убеждала детей к терпению. Ведь она была не жестокосердою, а верующею, она любила сыновей, но не изнеженно, а мужественно. Она побуждала детей к страданию, которое с радостью и сама приняла, — потому что была уверена в воскресении своем и сыновей своих, Зачем говорить о (других) мужах, женах, отроках, отроковицах, как они радовались этой смерти, с какою величайшею поспешностью переходили к небесному воинству? Они могли сохранить настоящую жизнь, если бы захотели, — потому что от них зависело отречься от Христа и жить, или исповедать Его и умереть. Но они избрали лучше потерять жизнь временную и приобрести жизнь вечную, оставить землю и поселиться на небе.

5. После этого, братие, есть ли какое место сомнению? Может ли еще оставаться страх смерти? Если мы — сыны мучеников, если мы желаем быть их общниками, то не станем скорбеть о смерти, не будем оплакивать любезных нам, которые прежде нас отходят к Господу. Если мы захотим скорбеть о них, то будут укорять нас блаженные мученики и скажут: о, верующие и желающие царства Божия, вы, которые горько плачете и рыдаете о любезных ваших, умирающих спокойно на ложах и мягких постелях, — что стали бы вы делать, если бы увидели их мучимыми и умерщвляемыми от язычников за имя Господне? Разве нет у вас древнего примера? Праотец Авраам, принося в жертву своего единственного сына, заклал его мечом послушания Богу (Быт.20:10), не пощадил и того, кого любил такою любовью, чтобы доказать свою покорность Господу. Но, если вы скажете, что он так поступил по Божию повелению, то ведь и вы имеете заповедь, чтобы не скорбеть об усопших. А кто не соблюдает самого малого, тот как соблюдет большее? Или вы не знаете, что дух, который сокрушается в таких обстоятельствах, оказывается неспособным к делам труднейшим? Кто боится ручья, тот пойдет ли когда-нибудь в море? Так и тот, кто нетерпеливо оплакивает потерю, в состоянии ли будет когда-нибудь выступить на подвиг мученический? Напротив, тот, кто в подобных обстоятельствах остается твердым и великодушным уже этим самым устраивает себе ступень к подвигам важнейшим.

6. Этого, братие, достаточно было бы для того, чтобы научиться презрению смерти и утвердиться в надежде на будущее. Но остается мне привести один пример из древности, который может доставить всякое утешение и который пусть выслушают все слухом сердца, хотя бы и страждущего. Великий царь Давид весьма сильно скорбел, когда любимый его сын, которого он любил, как свою душу, был поражен болезнью (2Цар.12:16 и след.); а так как человеческие средства уже не приносили никакой пользы, то он обратился к Господу, отложив царскую пышность, сел на земле, лег во власянице, не ел и не пил, молясь Богу целых семь дней, в надежде, не будет ли ему возвращен сын его. Старейшины дома его приступили к нему с утешениями и просили его вкусить хлеба, опасаясь, чтобы он, желая жизни сыну, сам прежде него не дошел до изнеможения; но не могли ни убедить его, ни принудить, — потому что нетерпеливая любовь обыкновенно презирает и сами опасности. Царь лежал в мрачной власянице, а сын его болел; ни слова не доставляли ему утешения, ни сама потребность пищи не действовала; душа его питалась скорбью, грудь дышала печалью, вместо питья текли из глаз слезы. Между тем совершилось то, что было предопределено Богом: младенец умер; жена была в слезах, весь дом наполнен был стонами, слуги в страхе ожидали, что будет; никто не смел известить господина о смерти сына, опасаясь, чтобы царь, который так горько оплакивал еще живого сына, не лишил себя жизни, услышав об его смерти. Между тем как слуги совещались между собою, между тем как они в унынии то советовали, то запрещали друг другу говорить, Давид понял и предупредил вестников, спросив, не скончался ли сын. Не имея возможности отрицать, они слезами объявили о случившемся. При этом было необыкновенное опасение, сильное ожидание и страх, как бы нежный отец не подверг сам себя опасности. Но царь Давид немедленно оставляет власяницу, весело встает, как будто получив весть о безопасности сына, идет в умывальницу и умывает свое тело, приходит в храм, молится Богу, вкушает пищу вместе с приближенными, подавив вздохи, отложив всякое сетование, и с веселым уже лицом. Домашние удивляются, приближенные изумляются этой необыкновенной и внезапной перемене и, наконец, осмеливаются спросить его, что это значит, что при жизни сына он так скорбел, а по смерти — не скорбит? Тогда этот необыкновенный по своему великодушию муж отвечал им: пока сын был еще жив, то

необходимо было и смириться, и поститься, и плакать пред лицом Господним, потому что была надежда на возвращение его к жизни; но, когда воля Господня совершилась, то безрассудно и нечестиво терзать душу бесполезным плачем; теперь, говорит он, *пойду к нему, а оно не возвратится ко мне* (2Цар.12:23). Вот пример великодушия и мужества! Если же Давид, еще бывший под законом, имевший, не скажу позволение, а необходимость — плакать, если он так удержал душу от безрассудного плача и так умерил печаль свою и своих приближенных, то мы, живущие уже под благодатию, имеющие верную надежду воскресения, получившие запрещение всякого сетования, почему так упорно оплакиваем своих мертвецов по примеру язычников, поднимаем безрассудные вопли, как бы в некоторого рода опьянении разрываем одежды, обнажаем грудь, поем пустые слова и причитанья около тела и гробницы усопшего? Для чего, наконец, окрашиваем платье в черный цвет, если только не для того, чтобы не только слезами, но и самою одеждою показать себя поистине неверующими и жалкими? Все это, братие, должно быть чуждо нам, непозволительно; а если бы и было позволительно, то не было бы прилично. Впрочем, иных из братьев и сестер, которых собственная вера их и заповедь Господня могли бы сделать твердыми, обессиливает и сокрушает мнение родственников и соседей, как бы не почли их каменными и жестокосердыми, если они не переменят одежды, если не предадутся с неистовством безумному плачу. Но как пусто, как непристойно думать о мнении людей заблуждающихся, а не бояться того, как бы не причинить ущерба вере, которую принял! Почему бы такому человеку не поучиться лучше терпению? Почему бы тому, кто сомневается, не научиться от меня вере? Если бы даже и действительно в груди его была такая печаль, то и в таком случае следовало бы в безмолвии умерять скорбь рассудительностью, а не разглашать о ней с душевным легкомыслием.

7. Хочу предложить еще один пример для исправления тех, которые думают оплакивать умерших. Этот пример — из языческой истории. Был один языческий начальник, имевший единственного и довольно любимого сына. Когда он, по языческому заблуждению, приносил в Капитолии жертву своим идолам, доходит до него весть, что единственного сына его не стало. Он не оставил жертвы, которая была в руках его, не заплакал и даже не вздохнул, но, послушайте, что отвечал: пусть, говорит, погребут его; я помню, что я родил сына смертным. Посмотри на этот ответ, посмотри на мужество язычника: он не велел даже дожидаться себя, чтобы сын был предан погребению в его присутствии. Что же будет с нами, братие, если диавол в самый день суда выведет его против нас пред Христом и скажет: этот почитатель мой, которого я обольщал своими кознями, чтобы он служил слепым и глухим истуканам, которому я не обещал ни воскресения из мертвых, ни рая, ни царства небесного, этот доблестный муж, узнав о смерти своего единственного сына, не опечалился, и не вздохнул, и не оставил при таком известии моего капища; а твои христиане, твои верующие, за которых Ты распялся и умер, чтобы они не боялись смерти, но были уверены в воскресении, не только оплакивают умерших и голосом, и видом, но даже затрудняются тогда идти в церковь, а некоторые даже и из клириков твоих и пастырей прерывают свою службу, предаваясь плачу, как бы вопреки Твоей воле. Почему? Потому, что Ты благоволил призвать их к Себе, из тьмы века. Что же мы, братие, будем в состоянии отвечать на это? Не будем ли мы объаты стыдом, когда в этом отношении окажемся ниже язычников? Язычник, незнающий Бога, должен плакать, потому что он, как только умрет, прямо идет на казнь. Должен сокрушаться и иудей, который, не веруя во Христа, обрек свою душу на погибель. Достойны сожаления также и наши оглашенные, если они, или по своему неверию, или по нерадению ближних, скончаются без спасительного крещения. Но кто освящен благодатию, запечатлен верою, честен по поведению или неизменен в невинности, того,

когда он отойдет из здешнего мира, надобно ублажать, а не оплакивать, тому надобно завидовать, а не скорбеть о нем сильно, — впрочем, завидовать умеренно, так как мы знаем, что в свое время и мы сами последуем за ними.

8. Итак, верующий, отри слезы, удержи вздохи, прекрати рыдания и вместо этой печали прими на себя ту спасительную печаль, которую блаженный апостол назвал **печаль ради Бога**, которая обыкновенно доставляет верное спасение, т.е. раскаяние в сделанных проступках (2Кор.7:10). Испытай свое сердце, спроси свою совесть и, если найдешь что-нибудь, требующее покаяния, — а ты найдешь это, как человек, — то вздыхай при исповедании грехов, проливай слезы в молитве, сокрушайся об истинной смерти, о наказании души, сокрушайся о грехе, как говорит Давид: **беззакония мои я сознаю, и грех мой всегда предо мною** (Пс.50:5); и не страшись разрушения этого тела, которое в свое время, по повелению Божию, обновится к лучшему. Посмотри, как определением Божиим назначено и то и другое: **наступает время, и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут** (Ин.5:25,28). Вот успокоение, вот побуждение к презрению смерти! А что далее? **И изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло — в воскресение осуждения** (Ин.5:29). Вот и различие между воскресшими! Воскреснуть должно, конечно, всякому вообще телу человеческому; но добрый воскреснет для жизни, а злой воскреснет для казни, как написано: **не устоят нечестивые на суде, и грешники — в собрании праведных** (Пс.1:5). Поэтому, чтобы нам воскреснуть не для осуждения, перестанем скорбеть о смерти, а примем на себя печаль раскаяния, позаботимся о добрых делах и о лучшей жизни, будем думать о прахе и умерших для того, чтобы помнить, что и мы смертны, и чтобы, при таком воспоминании, нам не пренебрегать своим спасением, пока есть время, пока еще возможно, т.е., или приносить лучшие плоды, или исправляться, если мы согрешили по неведению, чтобы нам, если день смерти застигнет нас нечаянно, не пришлось искать времени для покаяния, и не находить его, просить милости и возможности загладить грехи, и не получить желаемого.

9. Итак, братие, мы показали всеобщность смерти, объяснили непозволительность слез, показали немощь древних и несвойственность ее для христиан, объяснили тайну Господню, привели свидетельство апостолов о воскресении, упомянули о деяниях апостолов и страданиях мучеников, указали, кроме того, на пример Давида и, сверх этого, на поступок язычника, наконец, представили и вредную, и полезную печаль, ту, которая вредит, и ту, которая спасает чрез покаяние. Когда таким образом всё это показано, то что другое должно делать нам, братие, как не звать с благодарностью к Богу Отцу: **да будет воля Твоя и на земле, как на небе** (Мф.6:10)? Ты даровал жизнь, Ты установил и смерть; Ты вводишь в мир, Ты и изводишь из мира и, изведши, сохраняешь; ничто из Твоего не погибает, так как Ты сказал, что и волос с голов их не погибнет (Лк.21:18). **Скроешь лице Твое — мнутяся, отнимешь дух их — умирают и в персть свою возвращаются; пошлешь дух Твой — созидаются, и Ты обновляешь лице земли** (Пс.103:29,30). Вот, братие, слова, достойные верующих, вот спасительное врачевство; чей глаз отерт этою губкою утешения, увлажен с благоразумием этою примочкою, тот не только не почувствует слепоты отчаяния, но не испытает и малейшего нагноения печали, а напротив, взирая на все светло очами сердца, будет говорить подобно терпеливейшему Иову: **наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; как угодно было Господу, так и сделалось; да будет имя Господне благословенно!** (Иов.1:21). Аминь.